

Итак, все достижения Пушкина в «Бахчисарайском фонтане» лежат в сфере «чистого» романтизма. Именно в этой поэме, полной художественного блеска, Пушкин больше всего романтик. «Бахчисарайский фонтан» — одно из крупнейших достижений русского романтического искусства.

Напрашивается еще один важный принципиальный вывод. Как правильно указал Д. Д. Благой, «Кавказский пленник» был для Пушкина «огромным шагом» в «мир поэзии действительности»¹⁸. Но художественный метод Пушкина развивался не прямолинейно. И прежде чем сделать еще один шаг в мир жизни действительной на страницах «Цыган», Пушкин еще глубже погружается в романтический мир, создав «Бахчисарайский фонтан».

Ю. М. НИКИШОВ,

кандидат филологических наук
(Калининский госуниверситет)

ПУШКИН КАК ГЕРОЙ СВОЕГО СТИХОТВОРНОГО РОМАНА

1

Всякий раз, когда мы встречаем авторское «я» в художественном произведении, встает задача соотнесения этого «я» с личностью самого художника. Практический диапазон вариантов здесь неисчислимы и размещается между полюсами: от строгого автобиографизма до чисто повествовательной условности.

В пушкинском «Евгении Онегине» авторское «я» принципиально неоднозначное, функционально богатое; оно в сущности покрывает все наиболее характерные разновидности повествования от первого лица: это и персонаж в ряду других персонажей, приятель Онегина; это поэт, участник реальной литературной жизни, друг Вяземского, Баратынского, Языкова и других современников, одновременно автор и коммен-

¹⁸ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.-Л., 1950, с. 270. Там же подчеркнуто, что «Бахчисарайский фонтан» из всех южных поэм Пушкина наиболее близок к традиционному канону романтической поэмы (см. с. 279).

татор своего новаторского романа; это и условно повествовательная манера всезнающего эпического автора; это и прием беседы с читателем, где личное и обобщенное образуют практически нерасчленимый сплав.

В силу функциональной сложности авторского образа в романе в пушкиноведении наметились различные тенденции в его трактовке. Главная суть различия — в постановке акцента на биографизме или условности образа автора. Преимущественно литературным персонажем (хотя и носителем черт самого Пушкина) воспринимал этот образ Б. В. Томашевский¹. То автобиографическую, то условно-обобщенную грани образа автора попеременно выделяют Г. А. Гуковский² и Г. П. Макогоненко³. Ряд исследователей исходят из факта строгой биографичности образа автора⁴.

При всей разноречивости этих позиций не хотелось бы представлять их как взаимоисключающие: образ автора в «Онегине» действительно многогранен; очерченные здесь, различные подходы к восприятию этого образа представляют собой рассмотрение отдельных его граней. Тем самым разные пути в оценке образа становятся возможными; важно лишь отдельному не придавать характера всеобщего. Отсюда же следует, что наиболее правильный путь в восприятии образа автора — это определение всего функционального богатства этого образа.

Такой путь также наметился в пушкиноведении. Особо хотелось бы отметить статью Г. О Винокура «Слово и стих в «Евгении Онегине». Исследователь вычленяет три самостоятельных значения авторского «я» в романе: «субъект речи, рассказчик», «действующее лицо романа, связанное с его

¹ См.: *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. I. М.-Л., 1956, с. 607.

² См.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., ГИХЛ, 1957.

³ См.: *Медведева И.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова. *Макогоненко Г.* «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (изд. 2, исправл. и дополн.). М., ИХЛ, 1971.

⁴ См.: *Благой Д. Д.* «Евгений Онегин». — В кн.: Русская классическая литература. Разборы и анализы. М., Просвещение, 1969; *он же.* Победа поэта. К 150-летию выхода в свет первой главы «Евгения Онегина». — Пушкинский праздник, спецвыпуск Литературной газеты и Литературной России, 1975, 30 мая — 6 июня; *Степанов Л. А.* Автор и читатель в романе «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сб. второй. Калинин, 1974; *Мейлах Б.* Жизнь Александра Пушкина. Л., ИХЛ. Ленингр. отд., 1974.

героями и с его сюжетом», герой «особой автобиографической повести о поэте»⁵.

Однако главная трудность состоит не в том, чтобы максимально полно установить функции образа автора в романе, а в том, чтобы определить содержание, оформление и взаимодействие этих функций. Как-никак перед нами цельный при своей многослойности образ. Хотелось бы поддержать суждение С. Г. Бочарова: «Переходами первого лица и строится разноплановая композиция романа в стихах»⁶. Чаще же мы встречаемся лишь с констатацией факта многофункциональности образа автора и с неоправданными противопоставлениями одной его функции другим⁷.

Феномен образа автора в «Евгении Онегине» в том и заключается, что перед нами не два или три предмета исследования, а единый предмет, хотя и с разными гранями, при этом предмет динамичный, когда, воспринимая одну его грань, обязательно чувствуешь наличие другой. Например, изучая повествовательную манеру эпического рассказчика, которая анонимна или, по крайней мере, обобщена, нельзя забывать, что роман создан Пушкиным, следовательно, каждая деталь, пусть опосредованно, характеризует личность поэта. Если же мы сосредоточим внимание на автобиографическом материале, мы постоянно будем сталкиваться с отступлениями от него, со всякого рода условностью. Но такие превращения ничуть не противоречат самой природе художественного творчества.

В тесных рамках статьи нет возможности рассмотреть образ автора в полном его объеме. Вычленяется только одна — именно автобиографическая — его сторона.

В пушкиноведении не раз ставился вопрос о «тождественности» в романе образа автора А. С. Пушкину. Само это выражение следует признать крайне неудачным. Художест-

⁵ *Винокур Г.* Слово и стих в «Евгении Онегине». — В кн.: Пушкин. М., ГИХЛ, 1941, с. 170, 171; см. также: *Виноградов В. В.* Стиль и композиция первой главы «Евгения Онегина». — Русский язык в школе, 1966, № 4.

⁶ *Бочаров С.* Форма плана (Некоторые вопросы поэтики Пушкина). — Вопросы литературы, 1967, № 12, с. 121.

⁷ См.: *Семенко И. М.* О роли образа «автора» в «Евгении Онегине». — Тр. Ленингр. библиотечного ин-та. Л., 1957, т. II; *она же.* Поэты пушкинской поры. М., ИХЛ, 1970; *Лаушкина А. Г.* Композиционный и сюжетный центр романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — Вестник Московского университета. Филология, 1967, № 6.

венный образ по самой своей природе не может быть «равным», «тождественным» живому человеку. Можно видеть различную степень условности, которой обладают вымышленный образ, или образ на основе прототипа, или «документальный» образ на реальной био- или автобиографической основе, тем не менее любой образ несет на себе печать и условности, и обобщенности, и того или иного несоответствия «живому» прототипу. При этом условность образа — не препятствие правде образа.

Правдивость художественного воспроизведения жизни мы проверяем собственными представлениями о жизни, в широком смысле — критерием практики. «Документальный» образ обладает в этом плане лишь тем отличием, что «расшифровывает» свое реальное жизненное содержание. Возникает возможность увлекательных сопоставлений. В нашем случае — перед нами жизненная и творческая биография Пушкина, известная по широчайшему кругу источников, и ее же творческая трансформация, выполненная самим поэтом на страницах его любимого произведения. Пушкин, увиденный глазами самого Пушкина. Пушкин как герой своего стихотворного романа. Нам предоставляется возможность убедиться в справедливости пушкинского афоризма (в «Арапе Петра Великого»): «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

2

В романе чрезвычайно много то сконцентрированных, то разрозненных индивидуальных пушкинских черточек, привычек, настроений — вплоть до таких мелких штрихов, что поэт с удовольствием пишет в альбомы уездных барышень, но его берет «дрожь и злость» при одном виде огромного альбома «блистательной дамы»; сообщается даже (с отсылкой для сравнения к стихотворному посланию к брату), какие марки вин предпочитал поэт.

Достоверность подобного рода деталей весьма высокая. Можно отметить, что немало отрывков из «Онегина» и привлекается пушкиноведением именно в этом достоинстве. В частности, 33-я строфа первой главы («Я помню море пред грозю...») обросла в попытках расшифровки ее адресата комментарием ничуть не меньшим, чем многие популярные лирические послания поэта.

Даже отдельные штрихи пушкинской жизни на страницах «Евгения Онегина» представляют для нас бесценный материал. Но содержательность его повышается: дважды в романе возникает целостный пушкинский автопортрет — в первой главе и в конце романа. Двухкратный повтор автопортрета удивительно естественно отвечает особенностям композиционной структуры романа с ее зеркальной симметрией, с повторами писем героини и героя, монологов героя и героини, описания онегинской усадьбы при старом и новом хозяине и т. д. Но двухкратность автопортрета несет и большую идейную нагрузку: она позволяет судить об эволюции поэта.

Два пушкинских автопортрета и представляют основной предмет наших наблюдений.

В первом автопортрете резко бросаются в глаза черты неожиданно противоречивые: строгая достоверность сочетается здесь с демонстративной мистификацией.

В пору господства романтической поэзии, которая хотя и усилила личностное начало, но не разрушила устойчивых поэтических масок, Пушкин в самых первых строфах «Евгения Онегина» предстал перед читателем самим собой — поэтом, автором сделавшей его знаменитым поэмы «Руслан и Людмила», автором вольнолюбивых стихов, навлекших на него опалу:

Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня (1, 2)⁸.

Столь доверительно — как человек и как поэт — представившись читателю уже во второй строфе романа, Пушкин будет постоянно поддерживать интонацию живой беседы. В целом ряде случаев включение авторского «я» в содержательном отношении нейтрально и не преследует иной цели, кроме поддержания тона непосредственного разговора с читателем: «Всего, что знал еще Евгений, Пересказать мне недосуг...» (I, 8); «Описывать мое же дело...» (I, 26); «У нас теперь не то в предмете...» (1,27). Но опять-таки в силу того, что беседу ведет не условный рассказчик, а автор-личность, беседы с читателем чаще обретают содержательный харак-

⁸ Здесь и далее, по принятому обозначению, указана глава и строфа романа. Текст дан по изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в десяти томах, изд. 4-е. Л., Наука, 1978, т. V. Ссылки на пушкинские стихи даются по этому же изданию с указанием тома и страницы в тексте, на письма — т. X, изд. 3-е. М., Наука, 1965.

тер. Намечаются параллельные ряды: штрих за штрихом вырисовывается авторская манера повествования — от попутного частного комментария до уровня характеристики творческого метода, обозначаются черты личности — начиная с отдельных привычек, настроений, психологических состояний и венчаясь мировоззренческим уровнем.

В 18-й строфе передается чисто пушкинское восторженное отношение к театру и одновременно воссоздается верная картина театральной жизни начала века; отбор деталей, их оценка хорошо характеризуют позицию самого поэта. Даже интимные признания сохраняют эту обратную силу характеристики. Г. А. Гуковский, вслушиваясь в полифонизм звучания «пассажа» о ножках, улавливает светскую, «онегинскую» интонацию 32-й строфы («Дианы грудь, ланиты Флоры...»), которая в 33-й строфе («Я помню море пред грозю...») побеждается и отбрасывается голосом истинной, неукротимой пушкинской страсти.

Тем не менее некоторые штрихи автопортрета начинают настораживать. Поэт иронизирует: «Мы все учились понемногу...» (I, 5), — несколько не отделяя себя от светских недочетов; между тем эти строки создавались вслед за горделивой (и не голословной, а реализуемой) программой в послании к Чаадаеву 1821 года: «...в просвещении стать с веком наравне» (т. II, с. 47).

Несомненно, автобиографичны интимные признания, вроде: «Во дни веселий и желаний Я был от балов без ума...» (I, 29) или: «Увы, на разные забавы Я много жизни погубил!» (I, 30). Но ведь и их можно принять лишь с оговоркой, потому что поэт явно смещает акценты: балы и забавы занимали существенное место в жизни молодого Пушкина, однако главное ее содержание составляли высокие духовные запросы и поиски, а о них-то упоминается вовсе мельком, только намеком («вреден север»), зато о развлечениях — развернуто и в полный голос.

К концу первой главы столь резко заявленная в начале «документальная» линия весьма ослабевает, зато «тенденциозная» линия в той же степени усиливается. Ничуть не похожим на самого себя, «озлобленным», утомленным жизнью, с угасшим жаром сердца, поэт предстает перед нами вместе со своим героем, причем настолько похожим на него, что считает необходимым оговорить свою «разность». Оговорка имеет смысл: автор и герой — не одно лицо, и герой — не рупор авторских идей, но разное существование автора и героя

вовсе не означает их противопоставленности. Не лишено интереса, что предшествующее утверждению о «разности» развернутое авторское рассуждение с попыткой действительного противопоставления себя, поэта, герою носит мистификационный характер:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
Досугам посвящаться невинным,
Брожу над озером пустынным,
И far niente мой закон.
Я каждым утром пробужден
Для сладкой неги и свободы:
Читаю мало, долго сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не так ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни? (1, 55).

Мы настолько привыкаем (с полным основанием!) доверчиво относиться к пушкинскому слову, что и эти слова берем на веру. Утверждения здесь абсолютно категоричные, итоговый вопрос носит подчеркнуто риторический характер, а между тем ничто здесь не соответствует действительности. Пушкин не был рожден «для деревенской тишины». В процессе работы над первой главой он не вел образа жизни, так пылко изображенного в 55-й строфе, безделье никогда не было законом жизни поэта (хоть и выступало в роли поэтической маски в юношеских посланиях). «В былые годы» он не проводил счастливейших дней «в бездействии, в тени». Идиллическая картина сельского уединения идет явно вразрез с настроением «Деревни» (1819), где сходное миропонимание рушилось под напором жизни. «Мысль ужасная» о язвах крепостничества омрачала душу уединенного философа. Откуда же сейчас берется однотонность красок? И последующие годы михайловской ссылки должно рассматривать как нравственный подвиг поэта, не сломившегося под тяжестью невероятных испытаний. «...Пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское. ...Давно бы надлежало мне быть в Петербурге. (...) Мне не до «Онегина». Черт возьми «Онегина»! я сам себя хочу издать или выдать в свет. Ба-

тюшки, помогите» (т. X. с. 203), — писал Пушкин Плетневу в марте 1826 года.

Итак, несовпадения между личностью поэта и художественным автопортретом первой главы просто разительны. Возможно, в этом еще сказываются рецидивы романтической поэзии, прибегавшей, как было отмечено, к маскам поэта. Может быть, поэтому образ поэта еще сохраняет черты ленивого баловня судьбы, эпикурейца, хотя уже обозначился и отход, расставание с этим обликом. Но и при несовпадениях перед нами Пушкин и именно Пушкин, но не обобщенный образ.

Пушкинское лицо угадывается в первой главе не только по автобиографическим приметам. Пожалуй, еще существеннее здесь общее мироощущение. В одном из поздних своих стихотворений поэт даст чеканную формулу: «Мне грустно и легко; печаль моя светла...» (т. III, с. 111). В этой формуле — квинтэссенция пушкинского отношения к миру: эту гордую строку подсказало великое мужество человека, выстоявшего, не согнувшегося, не сломавшегося под тяжестью невероятно трудных жизненных испытаний.

Элегические настроения — именно в обрисовке образа автора — отчетливо проступают сквозь веселую, подчас озорную общую повествовательную манеру первой главы. Они и в грусти по Петербургу, который «вреден» для поэта. Они и в грустном расставании с театром, увлечением юности. А дальше идет элегия расставания с балами и светскими красавицами. Наконец, все вершится итоговой элегией:

Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет... (1,59).

Итак, целая цепочка утрат и разочарований. Отчасти это возрастное. Перед нами двадцатичетырехлетний Пушкин, по-прежнему молодой, но тем не менее прощающийся со своей юностью. Возрастной рубеж совпал со ссылкой и расставанием с родными местами — отсюда на страницах не только грусть, но и горечь.

Человеческий автопортрет Пушкина в первой главе двойствен. Он сочетает живые, теплые, достоверно рельефные черты и нарочитую деформацию, вплоть до мистификации в 55-й строфе. И все-таки преобладает, главенствует

чисто пушкинская интонация, пушкинское мироощущение; Катенин — по первой главе — увидел самого поэта, его разговор, его веселость.

Сродни сочетанию достоверности и тенденциозности человеческого портрета неполнота и приблизительность поэтического автопортрета Пушкина. Автор идет от весьма широкого обобщения:

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.

Под это обобщение он подверстывает и свой опыт:

Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира (1, 57).

Пушкин — вдохновенный певец любви, это не подлежит сомнению; но сказать про Пушкина только это — значит сказать очень мало, т. е., в конечном счете, сказать неправду. Кроме указания на «Кавказского пленника» и «Бахчисарайский фонтан», в первой главе есть лишь обращение к читателям «Руслана и Людмилы». Правда, дважды дается намек на ссылку поэта, но к вольнолюбивым стихам, навлекшим ссылку, никакого отношения не высказывается.

Таков поэт в собственном изображении на страницах первой главы. В автопортрете много подлинных, достоверных черт. И все-таки портрет неполон, приблизителен.

Почему?

3

Между Пушкиным 1820 г., каким он сам должен был предстать по сюжетной хронологии романа в первой главе, и Пушкиным 1823 г., каким он писал главу, — огромная дистанция. Именно она все и объясняет.

Начало южной ссылки Пушкина было омрачено подлыми сплетнями и клеветой, сопровождалось остроконфликтным разрывом поэта со светским обществом. В лирических стихах Пушкина звучит не мотив изгнания, а мотив добровольного бегства. «Я вас бежал, отечески края...» (т. II, с. 7), — сказано в элегии «Погасло дневное светило». «Изгнанником самовольным» назовет себя поэт в послании «К Овидию» (1821). Но время, суровый переоценщик ценностей, все расставит на свои места, и ссылка будет осознана как ссылка,

и будут написаны «Узник» и «Птичка», где прозвучит тоска по утраченной свободе.

Годы южной ссылки в биографии Пушкина по интенсивности духовного развития, по контрастности противоречивых тенденций, по эмоциональной напряженности переживаний вряд ли имеют себе равных. Как раз 1823 год, год «Демона» и стихотворения «Свободы сеятель пустынный», — вершина острейшего духовного кризиса Пушкина. Вызван он сложностью и идейной напряженностью общественной жизни. В России идет нарастание декабристского движения. В Европе происходят революционные выступления и национально-освободительные войны (испанский мятеж, движение итальянских карбонариев, борьба Греции за независимость). Большой общественный резонанс получают и отдельные события: убийство студентом Зандом реакционного профессора Коцебу, смерть Наполеона, смерть Байрона. Все эти события с необыкновенной живостью воспринимались Пушкиным, все получили тот или иной отклик в стихах.

На основе осмысления причин неудач западноевропейских революционных выступлений Пушкин точно схватывает главную слабость всех заговорщических мятежей — их изолированность от народа. Даже больше: Пушкин в 1823 г. видит особый трагизм положения в том, что именно в интересах народа выступает горстка просвещенных дворян, но сам народ покорен, смирился со своим рабским состоянием. Поэт приходит к жестокому (но не окончательному!) выводу, что народ заслуживает рабского состояния, поскольку пассивен и безразличен к своей участи. Такова итоговая часть стихотворения «Свободы сеятель пустынный»: «Паситесь, мирные народы! Вас не разбудит чести клич».

Именно потому, что Пушкин не был сторонним созерцателем, а был политическим ссыльным, заступником народа и борцом за свободу против тирании, вставшие перед ним политические проблемы приняли обостренно личный характер. Он, признанный поэт, многое потерял, он вдали от друзей, от привычной литературной среды, от журналов и издателей, а во имя чего? Если цель возвышенна и благородна, но недостижима, то не напрасна ли жертва? Вот откуда идет смятение поэта в «Сеятеле»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной

В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды... (т. II, с. 145).

Хочется подчеркнуть: сомнения Пушкина ни в малейшей степени не касаются самих идей. Идея свободы в сознании поэта по-прежнему остается светлой, благородной, святой, она — «живительное семя». Но она — преждевременна.

Так намечается тактическое расхождение Пушкина с декабристами. Полностью разделяя их идеи о необходимости преобразований в России, Пушкин не может принять установку на борьбу одиночек. Но, разочаровавшись в романтизме политическом, Пушкин следом же отходит от романтизма литературного. Он становится поэтом действительности, художником-реалистом. Он получает новый, неиссякаемый источник вдохновения.

Значение «Евгения Онегина» на этом пути просто трудно переоценить. В первой главе — лишь слабые отголоски идейно-эмоциональной бури, бушевавшей в душе поэта. Может быть, потому лишь отголоски («бури след»), что роман и послужил первым и надежным (возможно, пока еще не до конца осознанным) шагом к преодолению кризиса.

Пушкин находит простое и вместе с тем эффективное средство выразить в едином потоке повествования и свое «сиюминутное» состояние, и уже прошедшее, перегоревшее. Художественное время в романе постоянно раздваивается. Этот факт отмечен в монографии Г. П. Макогоненко: «Автор-поэт и герои живут в разных временных измерениях. Онегин и Татьяна — в *прошлом*, недавнем, правда, но все же в прошлом, — автор рассказывает о том, что уже было. Автор-поэт раскрывался прежде всего в *настоящем*, в момент написания романа. ...Важнейшей особенностью свободного романа стало раскрытие и образа автора-поэта в *развитии*, в динамической *эволюции*»⁹. Это верное в своем существе выделение двух временных потоков требует тем не менее и конкретизации, и дальнейшего осмысления их идейно-художественной функции.

В пушкинском романе два потока времени. С одной стороны, точно и строго (хотя и менее жестко, чем декларировано автором в 17-м примечании к роману) документирован

⁹ Макогоненко Г. Указ. соч., с. 131 (курсив автора).

ная, «расчисленная» поэтом и с достаточной определенностью «привязанная» к календарю пушкиноведами¹⁰ хронология сюжетных событий. Сюжетное, или эпическое, или «онегинское» время, начиная с появления Онегина «на свободе», охватывает период с 1812 по весну 1825 г.; понятно, сколь значительны эти даты в истории страны. Повествование стремится выдержать хронологическую последовательность. Основные сюжетные события приходятся на 1819—1825 гг., т. е. охватывают семь лет.

Но в романе есть и второй поток, условно говоря, авторское, или лирическое, время, то время, в которое создавалось произведение, — 1823—1830 гг. По удивительному совпадению, здесь тоже семь лет (несколько более семи).

Два временных потока в романе образуют весьма притягательное сплетение. Авторское время нередко обособляется и противостоит сюжетному. Например, в концовке шестой главы, «оставляя» героев в деревне, поэт говорит об омуте светской жизни, в котором ему доводится купаться. Но чаще авторское время стремится так или иначе слиться с сюжетным временем; «чужому», давнему сообщается «свое», близкое.

В результате возникает удивительная конкретность романа. Достигается она разными путями. В начале работы Пушкин был оторван от Петербурга, о котором писал в первой главе, и от деревни, о которой писал во второй. А Петербурга — очень хотелось. Не этим ли объясняется особая элегическая тональность первой главы? «Вдруг изменилось все кругом». Авторское время стало удивительно перекликаться с онегинским. «Деревенские» главы романа, с третьей по шестую, создавались в деревне же, в Михайловском. Седьмая глава, наполненная расставанием с деревней и переносящая повествование в Москву, написана по обновленным московским впечатлениям. Путешествие Онегина вобрало в себя и странствия автора. Дописанная в Болдине последняя глава напитана свежими петербургскими наблюдениями и переживаниями. В результате создается своеобразная онегинская география, включая, например, онегинскую скамью в Тригорском. Интереснейшие установления совершенно неожиданных реалий восьмой главы сделаны в работах Анны Ахматовой. Обаятельное ощущение непосредственности по-

¹⁰ См.: Бонди С. Календарь «Евгения Онегина». — В кн.: Пушкин А. С. «Евгений Онегин». М., Детская литература, 1973.

вестования — важное свойство сближения авторского времени с онегинским.

Там, где главенствует авторское время, возникает ощущение пространственности, исторической перспективы. События частной жизни героев предстают как существенные проявления духовной жизни общества. «Забегание» опыта автора вперед особенно существенно тем, что авторское время, в отличие от сюжетного, перешло рубеж 1825 г.

В иных случаях временные потоки как бы накладываются один на другой. Пушкин вполне определенно отнес (в предисловии к первому изданию первой главы) описание светской жизни своего героя к концу 1819 г. Во власти поэта было нарисовать свой образ, так сказать, конкретно-исторически. Простая логика позволяла бы предположить, что поэт, прогуливаясь белыми ночами с героем по набережной Невы, читал бы ему стихи и призывал отчизне посвятить души прекрасные порывы... Но что-то эти встречи изображены совсем иными. Автор, в других местах охотно напоминающий, что он поэт, здесь нарочито изображает себя только светским человеком — равным Онегину или даже в чем-то ниже его. Содержание бесед, раздумий, устремлений приятелей, на которое дано указание лишь в самой общей форме, полностью замкнуто в интимной сфере («Вспомня прежних лет романы...» — 1,47). На берегах Невы рядом с «мосье Онегиным» мы видим человека, переживающего глубокий духовный кризис. Это подлинный Пушкин, только не весны 1820 г., каким он сам должен был предстать в первой главе, а Пушкин 1823 г., когда он начинал свой роман. Такого рода свободные смещения реальных событий и переживаний по реальной хронологической канве не единичны в романе.

Наличие в романе двух временных потоков приводит не только к противопоставлению поэта его герою, но и поэта ему же самому. Противостоит поэт сегодняшний и вчерашний, но не формально и не буквально; что сегодняшнее, а что вчерашнее — подлежит определению. Авторское и сюжетное время то прессуется и объединяется, то разъединяется вновь.

Осознание своеобразия художественного рисунка повествования помогает понять, что драматические обстоятельства, предшествовавшие и сопутствовавшие написанию первой главы, вполне объясняют нам, почему здесь преимущественно воссоздается человеческий автопортрет Пушкина, почему в его изображении так много элегической грусти и почему

так отрывочен и неполон пушкинский поэтический автопортрет.

4

В композиционной структуре «Евгения Онегина» первая глава носит экспозиционно-прологовый характер; то же значение сохраняет она и для развертывания образа автора. Сразу же открыв читателю свое лицо, Пушкин набрасывает автопортрет — и психологический и поэтический — легкими отдельными штрихами, в конце главы следует обобщение: групповой портрет автора с героем, обобщенный психологический портрет автора, переходящий в обобщенный поэтический портрет.

Композиционный принцип «Евгения Онегина» — зеркальная симметрия многих сюжетных эпизодов и картин. Не представляет исключения и развертывание образа автора. В основном корпусе романа, во второй — седьмой главах, мы встречаем немало существенных штрихов пушкинской жизни. По недостатку места воздержимся от комментариев к ним и обратимся к итоговому автопортрету. Он дан в той же последовательности, что и в первой главе: поэтическому автопортрету предшествует психологический портрет, который на сей раз дан развернуто в главах шестой, седьмой и первоначальной восьмой, частично известной нам как «Отрывки из путешествия Онегина».

Пребывание Пушкина в Михайловском, глубокое и основательное знакомство поэта с народом и народным творчеством, настойчивое проникновение в опыт истории и работа над «Борисом Годуновым» многое переменяли в мировоззрении Пушкина в сравнении с 1823 г. «Душе настало пробужденье...» — свидетельствует послание к А. П. Керн. Какой характер носит пробужденье души, поясняет написанное несколькими днями ранее, в том же июле 1825 г., стихотворение «Андрей Шенье», где в уста героя, французского поэта эпохи буржуазной революции, вкладывается и сомнение (зачем он, певец любви и веселья, дал вовлечь себя в политическую борьбу), и гордое преодоление сомнений. Монолог Шенье оканчивается пророчеством гибели и позора тирану. Но это — и отрицание собственных сомнений Пушкина периода стихов «Свободы сеятель пустынный» и «Демон». Следовательно, еще накануне декабрьского восстания Пушкин преодолевает колебания и сомнения периода южной ссылки, выходит из состояния духовного кризиса. Но что уже

совершенно замечательно, «Евгений Онегин» тотчас же, с той же оперативностью, как лирика («Я помню чудное мгновенье...» и «Андрей Шенье»); отразил это важнейшее изменение в позиции поэта.

В 1825 г. написаны автобиографические строфы о жизни в Одессе. В романе уже было выражено «одесское» состояние; правда, состояние это (с оговоркой: «Писано в Одессе») было сдвинуто по хронологии и перенесено в петербургский период. В 1825 г. поэт пошел тем же путем: свое новейшее переживание он относит к недавнему прошлому.

Строфы об Одессе написаны с непосредственностью лирического стихотворения. Поэт еще не знал, где в романе они займут свое место. В 1827 г. строфы были опубликованы как отрывок из седьмой главы «Евгения Онегина», но место им определилось не в седьмой, а первоначальной восьмой главе. Поэт дорожил «одесскими» строфами. Лишенный возможности опубликовать всю главу, поэт включил эти строфы в печатный текст романа в составе «Отрывков из путешествия Онегина», где они составляют добрую половину текста.

Композиционное построение большей части отрывка — это подробное описание дня из жизни автора. Такой прием уже привычен, поскольку в первой главе дано подробнейшее описание дня петербургской жизни Онегина, а в четвертой — обстоятельное описание дня (даже в двух разновидностях — летней и осенней) его деревенской жизни. Обратим внимание: душе поэта «настало пробужденье» — и герой его перестает хандрить; описание деревенского быта героя и «одесского» быта автора создается в одно и то же время, в 1825 г. В быте автора и героя обнаруживается очень много общего.

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я (т. V, с. 176).

Онегин в Петербурге не купался: прежде всего — описан зимний день; но, видимо, и климат, и образ жизни купание исключали. В деревне Онегин и встает рано, и начинает день купанием.

С восточной гущей кофе пью (с. 177).

«Кофей кушал» (по словам ключницы Анисьи) и Онегин, разве что без восточной экзотики.

Иду гулять (с. 177).

Онегин гуляет «на просторе» петербургских бульваров, прогулки входят в его деревенский быт.

Далее — ресторан, с главной приманкой — устрицами «от цареградских берегов». В жизни поэта — Отон, в жизни Онегина — Талон. Поэту нужны «шум, споры» «ребят без печали», Онегина ждет в ресторане Каверин. Но есть и существенная разница, причем не только в сервировке стола: поэт вынужден помнить про «грозный счет», а Онегин беспечен, хотя его петербургское существование весьма зыбкое.

Но уж темнеет вечер синий
Пора нам в оперу скорей... (с. 178).

Таков же маршрут Онегина. И в театре для обоих привлекательна не только сцена:

А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая... (с. 178).

Онегин, уезжая переодеться к балу, не дожидается конца балета. «Ребята без печали» не только ждут финала, но и, расходясь, на улицах «ревут речитатив». Онегин развлекался на балах всю ночь. Одесса после оперы «тихо спит».

Чрезвычайно широкое повторение однотипных деталей само по себе вызывает интерес. Любопытно, что городской быт автора включает черты как городского, так и деревенского быта героя. Тем примечательнее разница, которая проникает в самую атмосферу описания, в характер авторской иронии. В первой главе важен общий мотив разочарования, готовящий принципиальный вопрос: «Но был ли счастлив мой Евгений...?» (1, 36), — с отрицательным ответом на него. «Одесские» строфы несут просветленный характер, полны жизнерадостностью, беззаботностью юности. То, что раньше подавалось с оттенком разочарованности, теперь предстает в дымке пленительного очарования.

«Одесские» строфы, где впервые отразилось новое состояние Пушкина, оказались вынесенными в самый конец печат-

ного текста романа. Читатель о новом мировосприятии поэта узнает раньше: оно пронизывает весь финал романа.

В шестой главе — в личном плане — особенно важна концовка с ее основной мыслью: «Так, полдень мой настал...» (VI, 45). Эти строки написаны в 1826 г. Всего-навсего три года прошли с той поры, когда был начат «Онегин». Но ведь Пушкин уже в первой главе прощался с юностью, отчетливо чувствуя свое возмужание. То же переживание — всего через три года — возникает повторно, и в эмоциональном ключе разница принципиальная. Меняется само отношение поэта к своей юности, которая теперь оказалась отделенной целой пропастью — четырнадцатым декабря и кровавой, безжалостной расправой над декабристами, которых Пушкин называл «друзьями, братьями, товарищами». В первой главе звучит элегическое разочарование. В шестой главе поэт прощается с юностью благодарно: «Но так и быть: простимся дружно, О юность легкая моя!» (VI, 45).

Просветленная и праздничная атмосфера вторичного обращения к юности омрачается в начале седьмой главы; здесь картина весеннего обновления природы навеивает мысль о невозполнимых потерях: «Мы помним горькую утрату, Внимая новый шум лесов...» (VII, 3). Нет надобности искать аллюзию в этих словах и делать попытку конкретизировать, какую «горькую утрату» имел в виду поэт; здесь важна сама эмоциональная тональность повествования. А завершается этот отрывок опять-таки воспоминанием о юности, и вновь оно, драматизированное горечью утрат, предстает светлым и дорогим:

Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна... (VII, 3).

Вторичное возвращение к воспоминаниям о юности носит примечательный характер. Это не воспоминание по форме, это оценка пережитого с новых позиций:

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль (VI, 44).

Голос памяти здесь — это жизненный нравственный опыт, это реальное в человеке, влияющее на критерии оценок происходящего на данном этапе. Этот опыт обладает и силой

обратного воздействия, что и приводит к переоценке прошлого.

Несмотря на подчеркнuto личностный, даже интимный характер нового обращения к юности, само по себе утверждение «Прежней мне печали жаль», тем более на фоне прямого сатирического обличения «омута» светской жизни в концовке шестой главы, приобретает отнюдь не камерное звучание. И память об утратах, и благодарность юности за полноту жизненных впечатлений не содержат подтекста, но создают мощную эмоциональную волну. Юность Пушкина — это не только дань эпикурейским наслаждениям, это, что более важно, участие в идейных исканиях передовой дворянской молодежи. В силу расчлененности психологического и поэтического автопортрета в романе прежде сказано о первом, но будет сказано и о втором.

На прямой вопрос нового царя, палача декабристов: «Что сделали бы вы, если четырнадцатого декабря были в Петербурге?» — Пушкин ответил гордо и не менее прямо: «Стал бы в ряды мятежников». В послании к сибирским узникам он удостоверит историческую значительность их дела: «Не пропадет ваш скорбный труд...» Пушкин будет в пример царю ставить Петра, особо подчеркивая его милосердие («Стансы», «Пир Петра Первого»), и это было требованием политической амнистии для декабристов. В «Арионе», написанном в годовщину казни пятерых руководителей восстания, Пушкин с гордостью отметит свою причастность к движению («Пловцам я пел») и свою непреклонность («Я гимны прежние пою»).

Пушкин по своим политическим убеждениям не был республиканцем. Как и большинство декабристов, он был сторонником конституционной монархии и врагом тирании, «самовластья». Вероятнее всего, строка «Не пропадет ваш скорбный труд» содержала вполне определенный смысл: лучшие люди России, даже ценой крови и страданий, доказали царю необходимость государственных преобразований, которые тот своей высокой властью обязан (и обещал) осуществить; Пушкину довелось испытать горечь разочарования в иллюзиях насчет нового царя.

Остается фактом: преодолев кризис, Пушкин в 1825 г. духовно возвращается в стан декабристов; после трагедии четырнадцатого декабря он остается их надежным и верным другом. В «Евгении Онегине» об этом сказано даже не на-

меком, а полным голосом — в финале романа, так неторопливо подготовленном изменением эмоционального тона.

Заключительный поэтический автопортрет Пушкина восьмой главы открывается обстоятельной характеристикой лицейской музыки. Как и в первой главе, поэт даст общий контур своего романтического творчества. В существенных моментах автопортрет, сравнительно с 1823 г., будет просто-напросто дописан.

Особо хотелось бы выделить то звено, которое вовсе было выпущено в автопортрете первой главы: поэт подтверждает свою верность мятежным идеям своей юности, которая осталась за роковой чертой четырнадцатого декабря.

В советском пушкиноведении является общепризнанным, что «Евгений Онегин» отразил круг поисков поэта, связанных с декабристским движением. Однако едва ли не решающим аргументом на этот счет обычно приводится не печатный текст романа, а указание на замысел поэта, на уцелевшие строки десятой главы¹¹. Такой путь вряд ли можно признать плодотворным.

Вне всякого сомнения, что, когда поэт «еще не ясно» различал даль свободного романа, он не предполагал кончить роман так, как его кончил. Известно, что в сознании Пушкина возникала и возможность двойной концовки — для печати и не для печати. Но это все лишь факты творческой истории романа, не больше. Художник сделал выбор — и оставил нам законченный и опубликованный текст произведения. Если бы Пушкина не удовлетворял (не вполне бы удовлетворял) этот вариант, он сумел бы оставить иной, «не для печати», — для опубликования в другие времена. Такая возможность обдумывалась поэтом, но была им отклонена. С неизбежным ущербом, но Пушкин сохранил в печатном тексте все, без чего нельзя было обойтись.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить единственную сохранившуюся в полном виде строфу 15-ю из десятой главы (где показано, что в среде декабристов «читал свои Ноэли Пушкин») и строфу 3-ю восьмой главы. Конечно, «поэтическая» строфа конкретнее, а печатная — условнее, обобщеннее. Конечно, оба отрывка подходят к одному и тому же событию с разных сторон: в одном случае мы встречаем

¹¹ Мы пользуемся здесь этим традиционным наименованием, хотя весьма сочувственно относимся к гипотезе, что этот материал принадлежит первоначальной восьмой главе.

объективную, широкую, эпическую картину действительно-сти, сам поэт вписан сюда как объект в третьем лице; строфа печатного текста — личностная, сказано прежде всего о чувствах поэта, действительность преломляется через индивидуальное восприятие. Но смысл обеих строф един.

Пушкин сказал и о своем единомыслии с декабристами («С толпою чувства разделяя»), и о широкой популярности своей вольнолюбивой музы («И молодежь минувших дней За нею буйно волочилась»), и о чувстве полного удовлетворения тем, что в стихах воплотил передовые устремления своего времени («А я гордился меж друзей Подругой ветреной моей»). Вопреки всяким цензурным притеснениям Пушкин прямо и дерзко высказал то, что переполняло его душу и что не высказать он не мог. Это — гражданский подвиг поэта.

Пушкин не был четырнадцатого декабря на Сенатской площади. Он был бы там, если бы в то время был в Петербурге, — поэт прямо сказал об этом царю. В 1823 г. он не верил в успех дворянского заговора и по сути раскаивался в своих вольнолюбивых стихах, не считая их политически неверными, но считая их несвоевременными, преждевременными. В 1825 г., накануне восстания, он отвергает свои сомнения и духовно возвращается в лагерь декабристов. После трагедии четырнадцатого декабря Пушкин остается самым верным и надежным другом и единомышленником сибирских узников. И этот наиважнейший факт его биографии зафиксирован в восьмой главе «Евгения Онегина».

Обратим внимание на то, что и откровенно декабристская строфа (так же, как и приглушенно декабристская строфа) не является словом эпического повествователя, т. е. не является воплощением сюжетного эпизода романа. При всей разнице, именно в соотношении эпического и лирического, обе строфы относятся к ряду авторских рассуждений в романе. С учетом этого обстоятельства легко рассудить, на какие неизбежные жертвы при окончании романа Пушкин мог пойти, на какие пойти принципиально не мог.

Чем поэт счел возможным поступить? Во-первых, сюжетным продолжением романа за 14 декабря 1825 г. Заметим, что такое решение создавало и чисто художественные трудности. Оно неизбежно предполагало бы конкретизацию судьбы Онегина. Но роман был начат в пору духовного кризиса и тактических расхождений с декабристами, что наложило отпечаток на изображение главного героя. Онегин на-

чинает самостоятельную жизнь в 1812 г., но общее патриотическое одушевление проходит мимо него. Став «отступником света», он занимает позицию скептика. Онегин в его романной жизни — не человек декабристской судьбы, хотя по праву занимает свое место в околодекабристской среде. Как индивидуальное исключение, онегинский путь (за текстом романа) мог вывести на Сенатскую площадь: такой итог все не предрешен, но и не исключен. Но Онегин — не частное лицо, он герой реалистического романа, тип русской жизни. В поступках «неисправленного чудака» проглядывает художественная закономерность. Показать Онегина в стане декабристов означало бы типизировать нетипичное (хотя, в порядке исключения, возможное).

Во-вторых, резким сужением хроники. Конечно, роману, развертывавшемуся как энциклопедия русской жизни, не были бы противопоказаны никакие новые картины. Более того, картины, полные высокого общественного значения, приобретали бы особую ценность. С этой точки зрения уже от изъятия главы «Странствие» роман претерпел чрезвычайно значительный ущерб. Однако сужение или расширение хроники не отменяет самой по себе хроникальной струи повествования, и на частные (хотя и значительные) издержки поэт мог пойти, ни в чем не поступаясь в главном.

Пушкин постарался компенсировать нанесенный роману урон. Он счел необходимым оставить зашифрованный текст (по крайней мере, начала) наиболее острых политических строк, как бы демонстрируя будущему читателю не возможный сюжетный финал, но раскрепощенный вариант изображения общественного фона финала романа. Это лишь допуск читателя в творческую лабораторию художника, и вряд ли зашифрованный текст имеет иное значение. С неизбежным ущербом, но поэт сохранил в печатном тексте все, без чего нельзя было обойтись. Просто ту тяжесть, которую несла острая в политическом отношении первоначальная восьмая глава, приняла на себя, пусть в ослабленном виде, итоговая восьмая глава, — в обоих случаях благодаря авторским рассуждениям, а не изображению героя. Но после этого декабристский вариант судьбы героя (с ощущением его известной случайности к тому же) становился совершенно необязательным. Пушкин типизирует то, что и было типичным: свой собственный путь — не члена тайных обществ, но ближайшего единомышленника декабристов, путь общих исканий, сомнений, обретений.

По поводу финала романа Г. П. Макогоненко писал: «Сняв проблему политическую (поскольку в ту эпоху совершенно не был ясен путь политической борьбы с самодержавно-крепостническим строем и невозможно было писать о декабристах) и заменив ее проблемой моральной, Пушкин показал нравственное возрождение личности Онегина через любовь»¹². Это рассуждение верно только применительно к одной сюжетной линии романа — к онегинской линии. Но судьба главного героя — еще не весь роман. А в романе как целом Пушкин не снял проблему политическую. Больше того, в итоговой восьмой главе он ее подчеркнул и заострил. Может быть, Пушкина не следует именовать политическим деятелем, но он — поэтический рупор своей эпохи, колокол на башне вечевой. Именно эта сторона его личности нашла столь яркое воплощение в заключительном пушкинском автопортрете.

Автопортрет восьмой главы не только симметричен по отношению к автопортрету первой главы. Сама восьмая глава симметрично заключена в кольцевую рамку авторских размышлений. Начинаясь развернутым поэтическим автопортретом, глава заканчивается теплым лирическим прощанием Пушкина и со своими читателями, и героями, и любимым литературным трудом. Особо поэт вспоминает сибирских узников:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован (VIII, 51).

Именно этот прозрачный намек — «Иных уж нет, а те далече» — особенно важен. Он прямым образом перекликается с опущенным когда-то и демонстративно восстановленным звеном автопортрета — с описанием «резвой» музыки, за которой буйно волочилась «молодежь минувших дней» и которой «гордился» сам поэт. Так все становится на свои места.

Строка «Без них Онегин дорисован», по существу, с равным основанием может быть прочитана двояко. Прежде всего буквально: «без них» — без присутствия Рылеева и «ста двадцати друзей, братьев, товарищей». А может быть (не

¹² Макогоненко Г. Указ. соч., с. 181.

исключая буквального смысла, а в добавление к нему), строка характеризует особенность внезапной концовки романа «в минуту, злую» для героя: «без них» — т. е. без продолжения романа за 14 декабря 1825 года, без десятой главы, а может, и без последующих (если учесть возможность замысла построения романа в составе двенадцати глав).

Но если дорисовка судьбы Онегина «без них», т. е. без декабристов, оказалась возможной, то окончание романа «без них», без декабристов, оказалось невозможным — и они вошли в роман вместе с судьбой автора.

Семилетие духовных поисков автора, связанное с работой над романом, оказывается внутренне замкнутым и цельным. «Онегин», какие бы завязи на будущее ни таил, остается произведением двадцатых годов, накрепко связанным с декабристской идеологией и с личностью автора — друга декабристов. Включение в автопортрет восьмой главы удовлетворенного упоминания вольнолюбивой музы (при демонстративном игнорировании царской цензуры!), а также трогательное — в особину — прощание с друзьями-декабристами в последней строфе — эти итоговые штрихи, решающие акценты и являются неопровержимыми аргументами в пользу «декабристской» ориентации романа. Этой важной стороной содержания романа мы обязаны образу автора — автору, который не просто повествователь, но и герой своего романа. Но тем самым «Евгений Онегин» (помимо других сторон своего содержания) — своеобразная поэтическая летопись жизни Пушкина, ценнейший биографический документ высокой достоверности и обаятельной поэтичности.

В. В. Рыжов

(Калининский госуниверситет)

ИННОВАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Стихотворный роман Пушкина предельно насыщен откликами на многообразные явления литературной жизни. Лаконичные, но удивительно емкие характеристики русских и зарубежных авторов, книга в жизни персонажей романа, литературная полемика, вехи собственного творческого пути — все это придает великому произведению характер ли-

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В О П Р О С Ы
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
А. С. П У Ш К И Н А

Межвузовский тематический сборник

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Калинин 1979